

18+

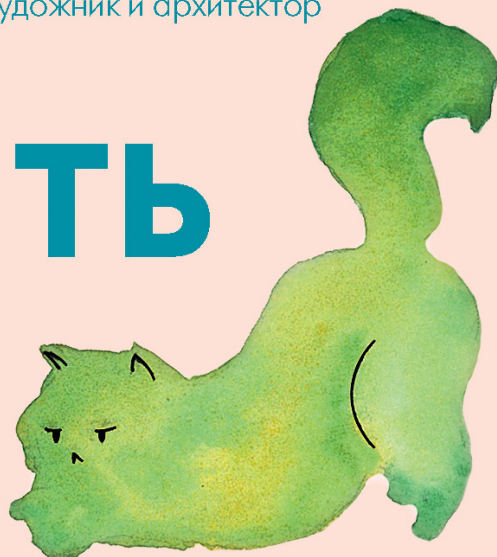

Бестселлер New York Times

Кошки — мистические существа, соединяющие духовное и осязаемое. Книга Кортни Густафсон — это мост, который помогает нам соединиться с этим духовным миром.

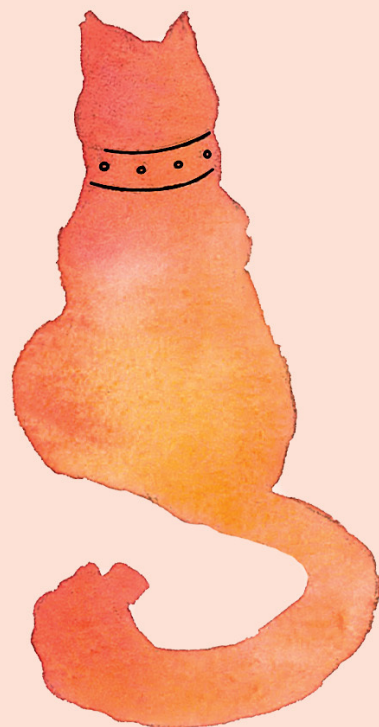
Ай Вэйвэй, современный художник и архитектор

Тридцать кошек и ни одной чужой

МЕМОУАРЫ О ЖИЗНИ,
ЛЮБВИ И ПРИНЯТИИ СЕБЯ

Кортни
Густафсон

Популярная психология для бизнеса и жизни

Кортни Густафсон

**Тридцать кошек и ни одной
чужой. Мемуары о жизни,
любви и принятии себя**

«Азбука»

2025

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7США)-44

Густафсон К.

Тридцать кошек и ни одной чужой. Мемуары о жизни, любви и принятии себя / К. Густафсон — «Азбука», 2025 — (Популярная психология для бизнеса и жизни)

ISBN 978-5-389-34829-5

Кортни переехала ради тишины и уюта, а получила тридцать пар светящихся в темноте глаз. Она не планировала становиться спасателем кошек. Кортни просто хотела спрятаться от мира, залечить старые раны и научиться жить заново. Но ночные крики на крыше, худые силуэты у мусорных баков и крошечные следы лап на подъездной дорожке не оставили выбора. Она начала кормить их, когда не могла позволить себе даже лишнюю банку тунца. Давала имена, хотя знала, что привязываться опасно. Писала их истории, которые вдруг оказались нужны тысячам людей по всему миру. Незнакомцы присылали корм, жертвовали деньги на ветеринаров и писали комментарии с невероятной поддержкой. «Тридцать кошек и ни одной чужой» – это мемуары о том, как одичавшие животные и одна женщина нашли друг друга. О том, как маленькие акты доброты перерастают в большое сообщество. И о том, что иногда, чтобы спасти других, нужно сначала позволить спасти себя. Эта книга для тех, кто когда-либо чувствовал себя лишним. И для тех, кто знает: настоящее чудо начинается с первого шага навстречу.

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7США)-44

ISBN 978-5-389-34829-5

© Густафсон К., 2025

© Азбука, 2025

Содержание

Площадь Поэтов	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кортни Густафсон

Тридцать кошек и ни одной чужой.

Мемуары о жизни, любви и принятии себя

По-настоящему трогательная книга; проникновенное исследование человечности, лежащей в основе защиты животных. Кортни мастерски сплетает воедино истории кошек с историями своей жизни и жизни членов сообщества – несовершенных, стремящихся к добру в сложном мире. Ее путь от наблюдателя за кошками до преданного заботливого человека и создателя сообщества невероятно вдохновляет.

Ханна Шоу, автор бестселлера New York Times «Кошки мира»

Чуткий дебют... Не обязательно быть любителем кошек, чтобы быть очарованным этой книгой.

Publishers Weekly

Размышляя о своей жизни и вирусной популярности в интернете, Густафсон борется с восприятием со стороны онлайн-масс, значимой и вдохновляющей любовью к животным, женоненавистничеством в работе по их спасению, финансовыми трудностями, связанными с содержанием питомцев, болью от потери любимца и, что наиболее важно, с тем, как создать сообщество. Ее захватывающие и эмоциональные зарисовки полны человечности и всех важных уроков, которые мы можем извлечь из маленьких существ, просто пытающихся выжить.

Booklist

Трогательные, прекрасно написанные дебютные мемуары «Тридцать кошек и ни одной чужой» – это книга, которая изменит представление читателей как о кошачьей, так и о человеческой природе... Что выделяет произведение среди других историй о защите животных, так это настойчивое утверждение Густафсон о том, что страдания домашних животных часто отражают страдания людей, которые о них заботятся... Это обязательное чтение для тех, кто работает и занимается волонтерской деятельностью в сфере защиты животных, а также дань уважения тому, как животные могут дарить яркие, процветающие осколки надежды в мире.

BookPage

Courtney Gustafson
Poets Square: A Memoir in Thirty Cats

This edition published by arrangement with Frances Goldin Literary Agency, Inc. and Synopsis Literary Agency

© Courtney Gustafson, 2025

© Мясникова Е. А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Колибри®

* * *

Посвящается Обезьянке

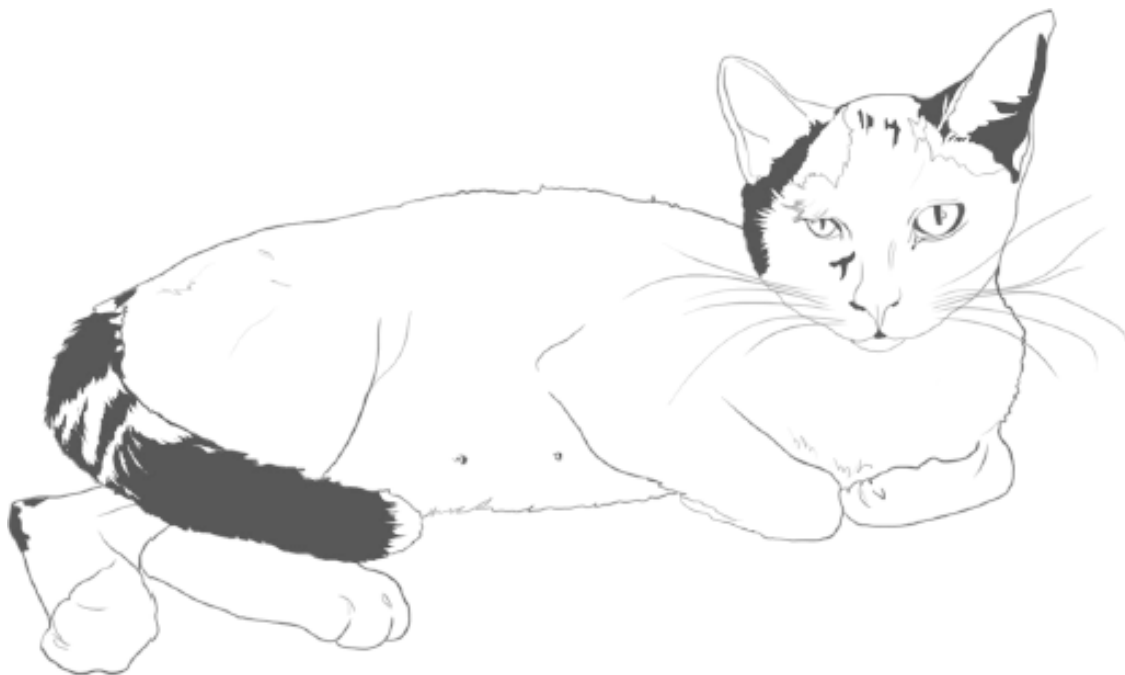

Разница между словами *дикий* и *одичавший* едва уловима, но она существенна. Дикие животные самой эволюцией, самой природой запрограммированы жить без вмешательства человека. Совсем другое – одичавшие. Это те, чей вид когда-то был одомашнен, но им по какой-то причине приходится справляться без нашей помощи. Одичавшие животные – их истории, их будущее, их борьба за выживание – неразрывно связаны с людьми. Их судьбы переплетаются с нашими.

Понятие *одичавший* отсылает к дикости, но относится оно к животным, брошенным системой, которая их и породила.

Площадь Поэтов

В уютный кирпичный домик на Площади Поэтов я переехала первой. У Тима в запасе было еще несколько недель оплаченной аренды, так что он продолжал собирать вещи, освобождать шкафы и приводить все в порядок в надежде вернуть залог. А я уже съехала из своей прежней квартиры и была полностью открыта для возможностей, которые мог подарить новый дом. Небольшой, в аренду, зато мы выбирали его вместе. Я была готова перекроить свою жизнь.

Я спала на голом матрасе в комнате, которая должна стать нашей спальней. В голове рисовался четкий образ: на стенах висят картины, в гостиной установлены колонки, и мы включаем музыку фоном. Я представляла, как мы, я и Тим, прячемся здесь от всего, что творится в мире. Спокойный район, ничто не может нас потревожить.

В первый вечер на новом месте я сидела одна в пустой гостиной и слушала, как малейший звук отражался в ней эхом. В доме еще не было телевизора и не работал интернет. И я просто сидела, изучая звуки района. У двери послышался шорох – может быть, ветер? За ним – шум на заднем дворе. Что-то похожее на шаги по крыше.

Я пристально всматривалась в темноту – это дверь дребезжит? что-то стукнуло в окно? – но не могла ничего разглядеть. Я была готова убедить себя, что мне показалось, если бы не Мэгги, моя собака – она тоже что-то слышала: уши Мэгги то и дело поворачивались в сторону шорохов, доносившихся с потолка спальни. В ту первую ночь я не сомкнула глаз, прислушиваясь к глухим ударам у мусорных баков на подъездной дорожке и наблюдая, как снова и снова срабатывают датчики движения. Но всякий раз никого не было видно.

На следующее утро – мое первое утро в новом доме – я встала рано и, осмелев при свете дня, вышла на улицу. Доказательства были повсюду. На крыльце, на крыше, на дороге: крошечные следы лап.

* * *

До того как мы съехались, Тим жил в десяти минутах от меня, в деловом центре Тусона, в многоквартирном доме с закрытым двором, где постоянно бродили несколько бездомных кошек. Среди них у нас был любимчик: большой темно-бурый кот, которого мы называли Ризотто. *«Кота можно назвать чем угодно»*, – сказал Тим, а ведь раньше это не приходило мне в голову. Я всегда мучилась с именами, хотела подобрать правильное. А Тим, заведя в темноте бродячую кошку, тут же мог назвать ее в честь того, что мы ели на ужин.

Стояло лето, горели горы. В городе запах пожара ощущался повсюду, дым тянулся по земле. К тому же началась пандемия, и мы с Тимом закрылись вдвоем в собственном пузыре, в наших новых отношениях. Каждый вечер я проводила у него дома, и мы вместе наблюдали с балкона за происходящим: как кареты скорой с завывающими сиренами мчатся к госпиталю, как протестующие митингуют у полицейского участка, как пламя окутывает горы. Как кошки неспешно бродят среди кустов. По ночам во дворе изредка раздавались их вопли.

Лето источало одновременно и напряжение, и спокойствие. Мы следили за мировыми проблемами, но были очень далеки от них. Огонь пожирает леса – но разве мы можем это остановить? Я ходила на работу, носила маску, пыталась защититься от дыма и была сосредоточена только на себе, на Тиме и наших зарождающихся отношениях. Разве это делало меня плохим человеком? Это не я устроила пожар в горах. Каждый вечер я сидела на диване и смотрела, как Тим готовит для меня, наслаждалась безопасностью спрятанного за забором дома, теплой едой и вниманием. Каждый вечер Тим провожал меня до машины, и мы целовались и искали Ризотто, кота, чья темная шерсть растворялась во мраке. Впервые за свою незамысловатую жизнь я тогда почувствовала, что мир рушится; но вместо того, чтобы его спасти, я просто влюбилась.

* * *

При свете дня я стала разглядывать следы возле нашего нового дома, стараясь понять, откуда пришли коты и куда ушли, но следов было слишком много, чтобы разобраться в них. Тиму я об этом не рассказала даже несколько недель спустя, когда он переехал и мы ночевали вместе в новой спальне. Кошек я слышала каждую ночь – сколько их? две? может, три? – они скакали по крыше, перепрыгивали через забор, носились по дороге.

Я всегда боялась все испортить. И вот впервые за многие годы мне казалось, что все в моей жизни идет как нужно; в первый раз я чувствовала, что могу просто забраться в кровать и укутаться в безопасность и уют. Никаких забот, никаких обязательств – я никому ничего не должна. А кошки, наверное, пришли от соседей.

Новый район был спокойнее, чем предыдущий, и темнее – никаких уличных фонарей, и звезды из двора дома было видно гораздо лучше, чем в любом другом месте, где я жила. Каждую ночь, когда Тим отправлялся в кровать, я выскальзывала в темноту и молча разглядывала раскинувшиеся надо мной созвездия, но понимала, что стою здесь совсем не ради звезд. Если я не шевелилась достаточно долго, появлялись *они*: светящиеся глаза, шорохи, хвосты, исчезающие в кустах. Нет, кошек было не три, больше. Движение на крыше, силуэты во всех уголках двора. В темноте мы наблюдали друг за другом – я и бесчисленные пары глаз.

* * *

– Заметила? – спросил Тим однажды утром, когда готовил кофе на нашей новой кухне. – Возле дома постоянно какие-то кошки.

– Да, – ответила я, – что-то видела.

Первый кот, которого я застала при свете дня, был серо-белым, худощавым и длинноногим. Он крепко спал на капоте машины, а я как раз собиралась ехать на работу. Я прошептала: «Прошу прощения», и когда звякнула ключами, кот резко распахнул желтые глаза, испуганно вздрогнул, выгнул спину, как обычно это делают кошки, и убежал. Когда вечером я вернулась домой, на крыльце меня встретил черный кот. На следующее утро в кустах на заднем дворе промелькнул рыжий пушистый хвост, а на заборе сидела трехцветная кошка. Тим тогда еще продолжал переносить в дом коробки; мы разворачивали кружки на кухне для утреннего кофе.

– Да, точно, – ответил Тим, когда я рассказал ему о трехцветной. – Я видел ее утром. – Он отодвинул жалюзи, выглянул наружу и добавил: – Хотя нет, не эту.

Могу поклясться, что время от времени, выглядывая в окно, я видела там одиноко сидящего черного кота, как в приметах, но стоило отвернуться – и на его месте уже сидел белый. Было чувство, что новые коты появляются всякий раз, когда я моргаю, словно возникают из какого-то портала. Я выходила на улицу проверить почту, смотрела на небо – и видела огромного кота, сидящего в кроне дерева и глядящего на меня сверху вниз. Я шла на задний двор и сталкивалась лицом к лицу с изящной сиамской кошкой: темные пятна на ее лапах напоминали высокие сапоги, а голубые глаза были совсем перекошены. Это было как шоу с приколами, будто кто-то решил проверить, сколько разных кошек можно оставлять у нашего дома, пока мы окончательно не сойдем с ума.

Я стала делать заметки – кошачий каталог.

– А вот та белая, которую ты видел утром, – спрашивала я у Тима по телефону во время перерыва на обед, – у нее длинная или короткая шерсть? – Я постоянно сверялась с записями в маленьком блокноте.

– Длинная, – отвечал Тим. – И она не полностью белая, я видел примесь рыжего на хвосте. Что-то новое. Я делала запись.

– Откуда они приходят? Где прячутся? – спрашивал Тим. Когда мы смотрели дом перед переездом, не видели ни одной кошки. И в округе при свете дня их почти не было. Мы поговорили с домовладелицей и познакомились с соседями, чтобы выяснить, знают ли они о кошках. Я немного переживала, что кто-то подумает, будто все это – мои фантазии. Хозяйка дома предположила, что кошки могут принадлежать соседке, а еще вспомнила, что, кажется, видела бездомных кошек неподалеку.

– Ну да, – отвечали соседи, отмахиваясь от меня, – есть тут какие-то бесхозные кошки.

* * *

В те дни, когда мы только начали жить вместе, Тим часто готовил ризотто. Он любил готовить, и особенно ему нравилось делать одно и то же блюдо, каждый раз что-то меняя и добавляя новые нюансы. С моим неискушенным вкусом трудно было уловить разницу, а Тим кивал и причмокивал, наслаждался каждым кусочком, подтверждая, что с каждым разом блюдо становится все лучше. Я ему завидовала: насколько старательно он мог погружаться в свое занятие, насколько самозабвенно.

Почти каждый вечер Тим склонялся над плитой и готовил в большой кастрюле, бесконечно помешивая, пока я валялась на диване или бесцельно слонялась по кухне. Я не готовила. Мне всегда казалось, что это мой большой недостаток – я вряд ли могла даже сама себя

накормить. Я так давно не чувствовала заботы, что провалилась в это ощущение с головой. Несколько лет я жила в режиме выживания, в одиночестве, и безумно устала от этого. У меня не было сил заботиться о ком-то еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.